

ТАТЬЯНА ВИЛЬДАНОВА

ПАРАДОКС
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
ПРЯМЫХ

КНИГА
ПЕРВАЯ

Татьяна Вильданова

Парадокс параллельных прямых. Книга первая

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8223256

Аннотация

1943 год. На улице Париже погибает человек.

В том же году в Париже Этьена помогает бежать из-под ареста актеру Жану Доре и укрывает его, раненого в своем доме.

Её друзья врач Гаспар Готье, его жена Мадлена и брат Симон его лечат, а когда положение становится безнадежным, Этьена приводит ещё одного врача.

В бреду Жан Доре слышит, что Этьена грозит разоблачением врачу, который почему-то называет её «курсантом».

Доре выздоравливает. От скуки он пытается поухаживать за Этьеной. Также он выясняет, что его новые друзья связаны с Сопротивлением.

Гаспара арестовывает полиция. Чтобы спасти его, Этьена, Жерар, Симон и Доре нападают на конвой. Нападение проходит удачно. Теперь все должны исчезнуть из города. Братья Гаспар и Симон уезжают сразу. Остальные – через несколько дней.

В день перед отъездом Доре и Этьена в ловушку, из которой Этьена телепортирует себя и Доре на другой конец города.

После телепортации Доре уводит её в катакомбы. Этьена вынуждена признаться ему, что она обладает некоторыми экстрасенсорными способностями. Но она умалчивает о том, что после телепортации её здоровье находится в критическом состоянии. Вскоре она теряет сознание. Доре приносит её к своему другу Рене.

Рене помогает связаться с Жераром. Больную Этьену отправляют в деревню. Доре – к партизанам. Уезжая, он понимает, что любит эту загадочную женщину.

Содержание

Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Татьяна Вильданова

Парадокс параллельных прямых. Книга первая

*Моим друзьям, ставшими ими в трудное для
меня время.*

Ранняя осень.

Желто-оранжевая роскошь деревьев. Зелено-желтое кружево кустов. Пестрые охапки листьев в подворотнях. Бездонное выцветшее небо, испещренное тонкими черными линиями проводов и жирными восклицательными знаками дымовых труб.

Но налетит ветер, вывернет наружу серебристо-серые изнанки листьев, парусами вздует гардины на окнах, разгладит зеленую речную зыбь, да и утихнет, безнадежно запутавшись в каштановых дебрях Тюильри.

Ослепительным золотом вспыхнут тогда фигуры коней над розовой аркой, пронзительно ярко заголубеют фонтаны.

Но уже через минуту опять налетит откуда-то другой ветер, брат-близнец того, заплутавшего. Взметнет белесые клубы пыли на аллеях. Посеревшее небо прижмется мягким брюхом к крышам и вот, пожалуйста, уже закапал, заморосил дождь. Нудно и мелко, словно хозяйка сквозь сито муку сеет.

Город намокнет, отяжелеет. Того и гляди, не удержится он на раскисших склонах, стечет с них к сердцу своему, к Сите. Лопнут тогда тонкие ниточки мостов, и поплывет он по рябой от дождя Сене всё дальше и дальше, пока не уткнется каменным носом в радугу, расписным мостом перекинутую через реку.

А вслед за радугой блеснет между тучами солнце, рассыплется золотыми бликами по мокрому асфальту, вспыхнет искрами на стертых камнях, опрокинется отражением своим в воду, да в ней и утонет.

Осень...

По пустой улице важно прогуливаются взъерошенные после недавнего дождя голуби.

В нише окна, на широком каменном подоконнике вальяжно развалилась матерая упитанная кошка. Полосатые бока кошки ритмично раздуваются, усы слабо подрагивают. На первый взгляд, кажется, что животное мирно спит. В действительности же хитрюга бдительно следит за стаей. Иногда она не выдерживает и чуть заметно передергивает лапами.

Прохожих почти нет. Так, несколько женщин с сумками, старик. К тумбе у магазина беспечно прислонен чей-то велосипед.

Далеко внизу, на другом конце узкой крутой лестницы, заменившей здесь улицу, угадывается стена солидного городского дома, за которым разворачивается безбрежное море

городских крыш. Одинаково коричневое, вспученное наростами башен, портиков, бельведеров и прочей архитектурной жути, оно скатывается с крутого холма и вольно растекается по котловине.

Здесь, на вершине холма, всё по-другому. Невысокие дома. Деревенские островерхие крыши. Темно-коричневые ставни на окнах. С подоконников свешивается густая мрачно-зеленая герань, пронизанная всполохами соцветий. В дальнем конце улицы просвечивает кусок виноградника. Там же неподвижно застыла длинная деревянная лопасть (часть мельничного крыла, венчающая похожий на сарай дом, чуть не по крышу заросший тетрастигмой). На видимой части стены намалевана вывеска, но изгиб улицы рассекает её пополам, так, что отсюда просматривается только объёмистый кроличий зад, шустро удирающий из приоткрытой кастрюли.

Рестораны, ресторашки, ресторанчики...

Кажется, что здешние жители просыпаются по утрам только для того, чтобы есть. Сначала позавтракать «У матушки Катрин», затем пополдничать в «Кролике Жилия», по звуковой аллитерации прозванном завсегдаятами «Шустрый кролик». Здесь же можно и остаться, если, конечно, не боишься оглохнуть от галдежа постоянно спорящих между собой художников. Или, если есть на что, можно пойти поужинать, а заодно и полюбоваться длинноногими красавицами в

«Мулен-Руж». А если не на что, то вполне устроит что-нибудь попроще. Например, прованская кухня и затянутые в ярко-зеленые трико девочки в «Сеюше», или петух в вине и подкрашенные сажей рогатые чертенята в «Преисподней».

Впрочем, в новеньком, сверкающем стеклом и дешевой позолотой «Сеюше» можно осесть уже с обеда. Когда-то, в былые добрые времена, здесь играл на аккордеоне знаменитый месье Жюно. Но перед самой войной новые хозяева вышвырнули из зала и месье Жюно, и его аккордеон и даже его стул с блестящим следом от инструмента. А вместе с ними и всю остальную мебель. Сам зал безжалостно разломали, а заодно с ним и старую закопченную кухню, и крохотную эстраду, и даже подсобку, после чего на освободившейся территории соорудили что-то сногшибательно американское, с монументальной барной стойкой и эстрадой, способной вместить полновесный джаз-банд. Правда, с начала оккупации американский джаз пришлось убрать, заменив его внациональным оркестром и стайкой девушек в желтых юбочках и ядовито-зеленых купальниках. Оркестр начинал играть уже с обеда, а к вечеру появлялись и девочки.

Не пожалели новые хозяева и крыльца, заменив покривевшие от времени ступени изящной крутой лесенкой, позволившей выгадать пяточок площадки перед входом. Площадку обнесли витыми металлическими перилами, а старую дубовую дверь заменили стеклянно-металлической четырехлопастной вертушкой.

Старожилам новый позолочено-никелированный «Сеюш» не понравился. Туристам тоже.

Для консервативных французов он оказался чересчур уж американским, слишком чуждым и им, и городу, и аккордеону, который заменило банджо, развлекающее посетителей до прихода оркестра. А для жаждущих французской экзотики американцев «Сеюш» стал чем-то, совсем уж не пойми, чем.

Если бы не война, так, наверное, через пару лет и разломали бы всю эту несуразицу. Вернули бы старые столы. И месье Жюно с его стулом и аккордеоном, возможно, тоже бы вернули. Но...

С оккупацией Парижа в «Сеюш» зачастили боши. То ли их приманивала смесь дешевого американского шика с французским кабаре, то ли почти полное отсутствие в зале местных аборигенов, то ли настоящее эльзасское пиво, специально для них привозимое из Эльзаса. А может быть, легкие на подъем девчонки, после определенного часа легко спархивающие с эстрады...

Как бы то ни было, но с начала войны «Сеюш» стал популярен.

Теперь зачастую уже с обеда по обе стороны крыльца выстраивались черные лакированные автомобили, в которых часами изнывали дисциплинированные немецкие водители. Устав неприступно пялиться в стены, они тоже смотрели на голубей, на кошек, на равнодушных мужчин и чуть менее

равнодушных женщин.

Вот и сегодня, несмотря на ранее время, недалеко от крыльца уже припарковался черный легковой автомобиль, водитель которого опустил стекло и меланхолично уткнулся глазами в асфальт.

Откуда-то издалека тихо, так тихо, что невнимательно-му прохожему могло показаться, что где-то назойливо зудит комар, донесся басистый вой автомобильной сирены. Такой обманчиво безобидный, в общем-то, достаточно привычный компонент городского шума...

Но...

Занятые разговором женщины удивленно замолчали, прислушались и, убедившись, что вой приближается, заторопились к лестнице, заменяющей здесь улицу. Туда же свернул и мужчина, уже по опыту зная, что ходить боши не любят, а машина по ступеням не поскачет.

Некоторое время ещё казалось, что сила звука не меняется, но внезапно вой подскочил до пронзительного визга, вслед за которым на узкую улицу вылетел широкомордый патрульный фургон.

Застигнутые врасплох голуби панически брызнули в разные стороны.

Кошка тоже вскочила, выгнулась и зашипела, приготовившись безжалостно наказать приبلудного нахала, посмеявшего

вторгнуться на её территорию. Но, увидев несущееся на неё чудовище, перепугалась сама, шарахнулась к стене и с истерическими воплями полезла вверх по ставню, изо всех сил цепляясь когтями за поперечные планки деревянного жалюзи.

Фургон пронесся дальше, настолько плотно вписываясь в узкое полотно дороги, что его широкие рифленые шины с хрустом втирались в низкую бровку тротуара. Встречный автомобиль (темно-малиновый пигмей, едва достающий крышей до капота фургона) панически метнулся к стене дома, выскочил на пешеходную дорожку и заюлил, попав в капкан между фургоном и крыльцом, почти перегородившим узкую полосу тротуара.

Фургон пролетел мимо, но крыльцо неумолимо прыгнуло навстречу водителю.

Под днищем автомобиля что-то хрустнуло. Брызнули разбитые стекла фары и подфарника. Словно пытаясь взобраться вверх, «Ситроен» косо взгромоздился на ступени и заглох, буквально прикипев мордой к двери.

Фургон пролетел ещё метров пятьдесят, после чего тоже затормозил, с ювелирной точностью притершись передним бампером к перилам «Сеюша».

Хлопнула металлическая дверь. Затем дружно охнули ступени, и нежно пропела вертушка, пропустившая патруль внутрь ресторана.

На улице опять стало тихо.

Настолько тихо, что кошка, добравшаяся до безопасной ниши верхнего окна, с любопытством высунула оттуда голову. То же сделали и голуби, опустившиеся на карнизы.

Минут через десять двери опять провернулись, выплюнув на крыльцо патрульного, а вслед за ним высокого широкоплечего блондина в сером плаще.

Оказавшись снаружи, мужчина вскинул голову и резким движением запахнул плащ. Патрульный что-то крикнул, на что мужчина только яростно сверкнул глазами и стал застегивать пуговицы. Солдат повторил окрик, после чего второй конвойный, только что выдавленный дверью, жестко ткнул блондина автоматом в спину.

Словно теряя равновесие, мужчина качнулся вперед, раскинул руки, сгреб обоих солдат и зашвырнул их внутрь закрывающейся двери.

Дверь провернулась, заскрипела и встала.

Мужчина легко, словно играючи, перемахнул через перила, приземлился на тротуар и метнулся к узкому провалу лестницы, темневшему в конце длинного многоподъездного дома.

Сзади сухо щелкнул пистолетный выстрел.

Мужчина вскинулся, по инерции прошел ещё несколько шагов, подогнул колени и медленно лег на мокрый асфальт.

Часть первая

Глава 1

1

На белесом, выжаренном солнцем склоне шел бой.

Сражались двое. Один высокий и светловолосый. Судя по лицу и костюму, возможно, француз. Второй, пониже и по-смуглее, в черном камзоле с широким гофрированным воротником, больше походил на испанца. Хотя с таким же успехом он мог оказаться провансальцем, ломбардцем или аквитанцем. Впрочем, нет, всё-таки испанцем, если судить по тяжелому четырехгранному эспадрону, которым он отбивался от наседавшего на него француза.

В настоящий момент француз уверенно загонял его на узкий пятачок между грудой камней и обрывом.

На половине дороге испанец вывернулся, отбил очередной выпад и отбросил француза к отвесной скале, ограничивающей площадку справа. Несколькими точными движениями он сначала заставил его прижаться к скале боком, а затем и вовсе развернуться спиной к обрыву.

Понимая, что влип, француз попытался прорваться обратно. Но размер пространства, на котором они сражались, не оставлял ему никакой возможности для маневров.

Некоторое время они топтались на месте, яростно взбивая клинками воздух. Потом испанец дрогнул.

Француз рванулся вперед. Испанец выманил его почти в центр площадки, откуда, орудуя эспадроном, как дубиной, отшвырнул обратно к обрыву.

Почувствовав за спиной пустоту, француз закачался, упал на одно колено и вцепился свободной рукой в траву.

Теперь рванулся вперед испанец, собираясь последним, завершающим ударом смести противника в пропасть.

Француз успел отклониться и выставить перед собой шпагу.

Клинок прошил испанца насквозь. Мужчина согнулся, выронил эспадрон и обеими руками схватился за основание клинка. Ещё не успев сообразить, что произошло, француз машинально потянул оружие на себя. Испанец качнулся следом, разжал руки, соскользнул со шпаги, сделал ещё несколько шагов, споткнулся и исчез за обрывом.

Еще не успев сообразить, что произошло, француз качнулся следом, но задел коленом за камень и плашмя растянулся по площадке.

В лицо пахнуло ветром. А там... внизу... где-то далеко внизу... так бесконечно далеко, что мозг отказывался вос-

принимать увиденное, были скалы, до нестерпимого блеска отлизанные ветром.

– Арман!

Всё ещё глядя вниз, он медленно оттянул своё тело назад. Потом пополз. А когда пятки уткнулись в стену, то встал на колени и ошалело потряс головой.

– Арман!!

От застрявшей между камней кареты к нему спешила очаровательная женщина, жгучая брюнетка с пышной гривой растрепанных кудрей.

– Анна!

Мужчина вскочил и протянул руки.

– Стоп! Снято!

Мужчина опустил руки.

– Как?

– Нормально.

– Ещё дубль?

– Солнце ушло.

– Хорошо, – сняв шляпу, режиссер промокнул голову носовым платком, – на сегодня хватит.

Взмокший от пота оператор медленно отлип от глазка камеры и бесконечно усталым жестом вытер лицо.

Глядя на него, помощник оператора торопливо сложил полотняный зонт, прикрывающий киноаппарат от солнца, а помощник режиссера также поспешно захлопнул один блокнот и тут же раскрыл другой.

– Завтра снимаем... – уже потеряв интерес к съёмкам, режиссер медленно направился к фургону, на ходу диктуя распоряжения помрежу, – ...и гоните отсюда всех...

Начало и конец фразы утонули в пронзительном скрипе лебедки, поднимающей из-за обрыва люльку с испанцем.

Закончив писать, помреж захлопнул блокнот, заложил за ухо огрызок карандаша и метнулся к кучке мужчин, праздно ожидающих окончания съемок.

– Всё! Съёмки окончены!..

Рабочие торопливо побросали папиросы. Оператор кивнул и опять уткнулся в камеру.

– Быстрее!

Теперь заметались все. Кто тащил застрявшую между камней карету, кто широкую деревянную платформу, укреп-

ленную под обрывом. Несколько человек сматывали провода. Ещё двое катили бобину с толстым полосатым кабелем.

Рабочие с грохотом обрушили платформу на камни и тут же накинулись на лебедку.

Замелькали костюмерши. Одна забрала у француза шпагу, другая – шляпу. Откуда-то опять вывернулся помреж.

– Быстрее! Грузите аппаратуру в третий фургон. Доре!

Не останавливаясь, помреж крепко хлопнул ладонью по спине француза.

– Ты свободен. Сдашь своё барахло и можешь убраться. Деньги получишь в конторе. Оставь свой адрес на случай пересъемки... Какого черта!

Размахивая на бегу руками, мужчина ринулся вниз по склону, туда, где несколько человек пытались закатить карету в грузовой фургон.

Неподалеку, в высушенной беспощадным летним солнцем долине приткнулись кургузые жилые фургончики, внутри и вокруг которых разместился временный актерский лагерь. Около восьмисот квадратных метров пыльной травы, ставших на какой-то срок единственным прибежищем всего состава съемочной группы.

Несколько составленных буквой «П» фургонов образовали тесный, открытый в сторону долины, дворик, на котором разместились крохотные, чисто символические закутки раздевалок.

В фургонах слева приютились женщины. В правом и центральном мужчины. Все, кроме режиссера, для которого установили отдельную полотняную палатку с личной койкой, столиком и шезлонгом.

Всё свободное от раздевалок пространство двора заняли столы. Самые разнообразные столы, начиная с аккуратных примерных и заканчивая грубо сколоченными козлами, доверху заваленными одеждой. Между ними стояли широкие квадратные ящики из-под аппаратуры, полностью заставленные посудой.

Центр площадки заняла деревянная бадья с водой.

С внешней стороны каре, под огромным полосатым тентом сгрудились такие же полосатые шезлонги.

Траву вокруг фургонов давно уже вытоптали, а образовавшиеся белёсые проплешины залили водой и утрамбовали до зеркального блеска.

Днем здесь постоянно сновали люди. У столиков примерши колдовали над актерами, под тентами на бесполезных шезлонгах костюмеры проветривали одежду. С теневой стороны каре рабочие готовили аппаратуру, а повариха – еду,

время от времени громко проклиная и солнце, и жару, и нахальных мужчин, норовящих ущипнуть её за локоть именно в тот момент, когда в её руке оказывался половник.

Здесь всё подчинялось съемкам. Поэтому обедали поздно вечером, когда долина расчерчивалась причудливыми линиями теней. А завтракали на рассвете. (Если вообще завтракали, так как в такой жаре все без исключения долго засиживались вечерами, после чего настолько отчаянно хотели спать по утрам, что ради нескольких лишних минут сна готовы были послать к черту не только завтрак, но и всё остальное.) Днем же перебивались теплой минералкой, которую осторожно тянули накрашенными губами через трубочку, и бутербродами. (Бутерброды тоже употребляли крайне неохотно, всеми правдами и неправдами дотягивая до жары, когда, даже при патологическом голоде, есть уже абсолютно не хотелось. И дело здесь не в диете, а в элементарном профессионализме. Актер должен сохранить наложенный на него грим до конца съемок, а съесть в жару бутерброд и при этом не испортить тщательно прорисованный гримером рот практически невозможно. Оставалась минералка.)

Сейчас часть труппы уезжала, поэтому лагерь гудел, как потревоженный улей. Те, кто не участвовал в погрузке съёмочной аппаратуры, с лихорадочной скоростью собирали со столов вещи. Освободившиеся столы тут же безжалостно разламывали, сразу же раскладывая на отдельные штабеля крестовин и столешниц. С громким щелчком сплющивали

шезлонги. Один в другой составляли стулья. Один из фургонов (тот, в котором во время съемок жил технический персонал) бесстыдно распахнули, из уютного домика снова превратив его в грузовой прицеп.

Всем вдруг нестерпимо захотелось как можно скорее убраться отсюда, от этой жары, от работы, от постоянной пыли, солнца, цикад и комаров. Перед глазами уже замаячили окна гостиницы. Любой нормальной гостиницы, где будут отдельные комнаты, умывальники и ванны, до краев наполненные водой.

Те, кто оставались, с нескрываемой завистью поглядывали на уезжающих. А уезжающие в немом исступлении лихорадочно паковали вещи. Если они успеют до темноты, то уже сегодня доберутся до города. Даже не города, а захолустной деревни, где отработавшие свои роли актеры смогут пересесть на местный автобус, а фургон со вторым оператором поедет дальше, до следующей деревни, вокруг которой режиссером были запланированы пейзажные съемки.

Шумный бестолковый и довольно удачный съемочный день постепенно скатывался к теплому ленивому вечеру.

На съемочной площадке ещё продолжались сборы. Отсюда было слышно, как там что-то тащили, кричали, ругались, посылали кого-то за запасными канатами... обещали спустить шкуру, если не успеют вовремя закончить...

Но уже наплывала благословенная вечерняя лень, неза-

метно приглушая все дневные звуки и давая долгожданную передышку перед оглушительным концертом ночных цикад.

Съемочный день закончен. Всё. Баста!

У актерского фургона Доре скинул камзол. Затем отцепил хвост парика и выпростал руки из рукавов сорочки. Теперь оставалось только протащить через широкий кружевной ворот заgrimированную голову.

– Черт... ну, хоть бы раз...

Как обычно, бдительно следя за тем, чтобы не смазать на рубашку грим, он забыл про прическу и опять зацепился кружевом за шпильку.

– Хоть бы раз... – наощупь выдергивая из волос шпильку, привычно пробурчал Доре.

– Помочь?

– Не надо. Уже.

Избавившись от рубашки, мужчина бросил на столик шпильку и всласть потянулся.

– Осторожней, кретин!

– Ладно...

Он убрал руки и с удовольствием расправил плечи, казавшиеся ещё более широкими на фоне узких бедер и длинных ног, идеальную форму которых не могли скрыть даже короткие штанишки, пузырями вздутые над высокими ботфортами.

– Ну и жара!

– Давай, поторапливайся.

– Отстань.

Он вытряхнул из волос остальные шпильки, отколол бант и запустил пальцы в шевелюру, безуспешно пытаясь расслотить спаянные лаком пряди.

– Это не лак, а цемент...

– Не стони! В парике ещё хуже.

Склонившийся у стола испанец стянул со стриженной головы черный кудлатый парик и небрежно нахлобучил его на стоящего на столе болвана. Затем оценивающе прищурился, слегка взбил пальцами локоны и смачно щелкнул болвана по лбу.

– Молодец, малыш!.. А вы, месье, подвиньтесь! – оттирая Доре от зеркала, весело заявил он.

Доре переместился к баку, зачерпнул кружкой воду, нагнулся и опрокинул кружку себе на затылок. Струя воды скользнула по прическе, двумя ручейками скатилась с волос на шею, с шеи по щекам на нос...

– Черт!

Жан замотал головой и громко чихнул.

– Будь здоров! – стирая с лица грим, нахально усмехнулся испанец.

– Буду!.. Если не облысею от этой дряни.

Второй раз актер сначала попытался приподнять волосы, а уж затем вылить под них воду. Жидкость просочилась сквозь щели между прядями и опять стекла в таз.

– Дрянь, ничего его не берет!

– Ты просто патологически ленив. Или глуп, что почти одно и то же, – швыряя на столик тряпку с гримом, спокойно резюмировал испанец, – вот уже почти три месяца, как ты ежевечерне повторяешь одно и то же. Держи!

Он подцепил со столика флакон шампуня и, не оборачиваясь, метнул его Доре в руки.

– Спасибо. Иначе эту немецкую заразу ничем не отмоешь.

– Насчет заразы поосторожней, – проходя мимо, негромко бросила брюнетка, бывшая прекрасная дама, за прошедшее с момента окончания съемок время уже успевшая переодеться в малиновое кимоно.

– А разве тут кто-то что-то сказал? – невинно округлил глаза испанец, – прекрасный лак... наипрекраснейший! Ничего его не берет, кроме наипрекраснейшего немецкого шампуня, после которого вся голова чешется, – закончив говорить, он нежно улыбнулся брюнетке и ткнул Доре кружкой, – ведь так?

– Угу, – облепленный хлопьями пены, нечленораздельно промычал мужчина, – лей, давай!

Из двери фургона высунулась костюмерша.

– Быстрее сдавайте костюмы.

– Пардон, мон шер, – испанец всунул кружку Жану в ру-

ку, – но это меня.

– Ты что?! – попытался выпрямиться Доре, – не можешь?...

– Нет! Никогда и ни за что! – пылко воскликнул испанец, – если женщина ждет... Сам лей!

– Черт! Мерзавец!..

Не разлепляя глаз, Жан бестолково ткнул кружкой мимо бадьи.

– Давай, – женщина забрала у него кружку, – нагнись пониже.

– Спасибо.

Испанец подхватил с лавки одежду и скрылся за полосатым полотнищем, закрывающим вход в раздевалку.

– Ты когда домой собираешься?

Закончив мыться, Доре вслепую нащупал полотенце.

– Завтра, ночным.

Женщина повесила кружку на место, присела к столу и кокетливо подправила короткие, черные как смоль волосы.

– А билет уже взял?

– Нет, конечно. Разве с нашим можно что-нибудь знать заранее...

– А если билетов не будет?

– Будет... уж один-то всегда найдется. Я не гордый, могу и третьим классом. В крайнем случае, поеду с пересадкой.

Промокая полотенцем волосы, мужчина краем глаза наблюдал за вышедшим из кабины испанцем. Теперь вместо рейтуз и бархатных штанишек на нем красовались серые чечуховые брюки, а на ногах – такие же серые, в тон брюкам, летние ботинки на толстой желтой подошве.

– Тебе слить?

– Давай.

Дождавшись, когда испанец нагнется, Доре поднял бадью и молча опрокинул её содержимое ему на спину.

Испанец придушенно взвыл, нырнул головой вниз и уперся руками в днище таза.

– Вы что?!.. – накрытая веером брызг, неожиданно тонким визгливым фальцетом заорала брюнетка, – ненормальные! Халат намочили! Нет, вы только посмотрите! – она возмущенно взмахнула в воздухе намокшими салфетками, – кретины!

Доре аккуратно поставил опустошенную бадью на землю.

– Ты,! – вмятый в таз испанец попытался выпрямиться, но хлынувшая за пояс вода согнула его обратно, –!

– Да ладно тебе.

Жан широким жестом накрыл спину испанца полотенцем.

– Идиоты! – брюнетка раздраженно стряхнула с халата воду, бросила на землю испорченные салфетки и опять присела к гримерному столику, – и шутки у вас идиотские.

– Согласен, – перегнувшись через её плечо, Доре попы-

тался выудить расческу, кончик которой высовывался из-под коробки с гримом.

– Ты что в Париже делать будешь? – забыв о своем раздражении, низким грудным контральто (тем самым, который так безотказно действовал на всю мужскую часть зрительного зала) поинтересовалась брюнетка.

– Не знаю... – занятый тем, чтобы исхитриться подцепить расческу ногтем, хриловато протянул Доре, – у меня контракт с киностудией ещё на один фильм...

– О-о-о... – замороженная голосом, брюнетка слегка отклонилась назад и на мгновение прижалась к его груди затылком, – и когда же этот фильм будет?

– А черт его знает. Пока глухо... – Жан вытащил расческу и выпрямился, – ничего... в крайнем случае, вернусь в свой балаган на старую роль.

– Если она ещё не занята, – старательно скрывая своё разочарование, мило улыбнулась брюнетка.

– А кому она нужна? – расчесывая перед зеркалом влажные волосы, невесело усмехнулся Доре, – хорошо, сейчас хоть прилично заплатят. В любом случае, на пару месяцев мне хватит. А там, может быть, опять съемки начнутся.

– Едва ли. Дюпон говорит, что в ближайшие полгода здесь ничего нового не будет.

– Тогда, труба... – подвел итог Доре, – хорошо, что от полиции я прикрыт.

– Да... – женщина слегка поддалась вперед и впиалась гла-

зами в зеркало, в котором отразилась запрокинутая голова актера.

На солнце волосы быстро высохали, приобретая тот странный светящийся светло-каштановый оттенок, обладатель которого уже не блондин, но ещё и не шатен.

– У Валера намечается что-то новенькое...

Проходя мимо столика, испанец картинно метнул полотенце на вешалку. Мокрая тяжелая ткань неуклюже обмоталась вокруг перекладины, отчего вешалка опасно закачалась и накренилась, грозя обрушиться на хлипкий столик.

– Тише ты! – испуганно рванулась в сторону брюнетка.

Вешалка ещё раз обиженно скрипнула, качнулась и медленно, словно бы нехотя, восстановила своё равновесие.

– Вы что? – возвращаясь к столу, женщина невольным жестом слегка распахнула воротник халата, – сдурели сегодня?

– Хорошая работа! – игнорируя раздражение брюнетки, то ли себя, то ли вешалку похвалил испанец, – так как на счет Валера?

– А ну его к чертям, гомика, – собирая костюм, раздраженно скривил губы Доре.

– Да уж, – весело заржал испанец, – тебя он вряд ли пропустит.

– У Дюпона... – привлекая к себе внимание, брюнетка гибким змеиным движением протянула руку и взяла со столика коробочку пудры, – намечается один сценарий...

– Какой?

Жан бросил костюм и заинтересованно уставился в зеркало.

– Так... – делая вид, что она полностью поглощена собой, равнодушно протянула брюнетка, – кажется, что-то вроде этого. Дюпон сказал, что там есть выигрышная роль для меня. На главного героя он хотел пригласить Омона...

– Но я же лучше! – Жан наклонился ещё ниже, так низко, что почти коснулся щекой её волос, – Омон старше, капризней, да и съемки у него расписаны по минутам. Кроме того, учти, – тщательно смодулированным бархатным баритоном промурлыкал Доре, – он наверняка попытается перетянуть одеяло на себя, а я... – он пригнулся ещё, так, чтобы зеркало смогло отразить их обоих, – на моем фоне ты будешь просто неотразима!

– Возможно... – брюнетка слегка приподняла голову и томно прищурилась, – Дюпон ещё не решил...

Пользуясь моментом, она осторожно провела волосами по его шее и легко прижалась затылком к горлу.

– А мой контракт? – Жан положил ладони ей на плечи.

Брюнетка выразительно пожала плечами и слегка изогнула в улыбке подрагивающие губы.

– Марго, – опустив голос ещё на октаву ниже и почти ка-

саясь губами её уха, интимно прошептал Доре, – ты просто прелесть, – после чего скользнул глазами по зеркалу и легко коснулся её щеки губами.

– А ну тебя, – вроде бы отмахиваясь, но в действительности, прижимаясь к нему ещё больше, хрипловато засмеялась Марго, – если ты, действительно, хочешь, – тщательно выделяя второй смысл фразы, она, почти не скрываясь, прильнула к нему телом, – я могу замолвить словечко.

– Отлично!.. – опуская голос ещё ниже, нежно пробормотал Доре, – я тебя обожаю...

Всё ещё продолжая косить глазами на своё отражение в зеркале, актер нежно, как по струнам, прошелся пальцами по её предплечьям и, мягко сжав её локти, потянул женщину на себя. Марго поспешно, даже более поспешно, чем требовалось, откинулась назад и чуть приоткрыла тщательно прорисованные губы, обнажая мелкие, ослепительно белые зубы.

– Везет же некоторым светловолосым красавчикам, – словно не замечая двусмысленности происходящего, испанец бесцеремонно влез в мизансцену и тоже заглянул в зеркало, – Марго, лапушка, а как у твоего Дюпона с черноволосыми злодеями? Со мной ему даже контракт выкупать не придется.

Жан спокойно убрал руки и выпрямился.

– Тебя и без контракта никто не возьмет, – разъяренная Марго зло сверкнула на испанца подведенными глазами, – таких, как ты, на любой киностудии как собак.

– Не скажи! – словно не замечая её раздражения, жизне-радостно оскалился испанец, – я уникален! Я красив, молод, талантлив. Я – гений! Или что-то около этого. Я виртуозно дерусь на шпагах и великолепно падаю с обрыва. Помяни моё слово, детка, сегодняшняя сцена войдет в историю кинематографа! Вы все прославитесь благодаря моему бесстрашию!

Понимаешь теперь, что твоему Дюпону я просто необходим? Тем более, что я обожаю сниматься в его фильмах!

– Трепло, – негромко фыркнул Доре.

– Отвянь!.. Ну, так как? – теперь уже испанец интимно склонился к плечу Марго, – учти, королева Марго, я считаю, что на экране ты просто неотразима. Хотя в жизни ты ещё лучше.

Несколько секунд они, молча, изучали друг друга в зеркале.

– Ладно. Черт с тобой, – Марго нервно сморгнула и бросила на столик пудру, – только съемки начнутся не раньше декабря.

– Ничего. До декабря мы как-нибудь продержимся.

Собрав свои вещи, Доре направился к раздевалке.

– Не сомневаюсь...

Женщина отвернулась от испанца и, почти не скрываясь, проводила спину актера долгим голодным взглядом.

– Не советую.

– Что?!..

– Просто не советую, – неожиданно спокойно заговорил испанец, – с ним эти номера не проходят.

– Он что, гомик?

Мужчина придушено фыркнул.

– Не больше меня.

– Тогда почему?

Испанец выразительно пожал плечами.

– Только не говори мне, что он не может.

– Ну что ты, моя прелесть, конечно может. И лучше всего со шлюхами. Да и с теми ведет себя почти по-приятельски. Увы, малыш, но зажигает он только на сцене.

– Ну, это поправимо.

Испанец склонился ниже, нежно улыбнулся отражению.

– Марго, брось. Поверь старому другу, что здесь рыбы нет. Хоть он и красив, как греческий бог, но пыла у него больше, чем на две недели, еще, ни для кого не хватало. Да и с воображением тоже слабовато. В Париже он всех приглашает в один и тот же ресторанчик на Монмартре, потом провожает домой и...

– Слушай, ты! – окончательно выведенная из себя, бешено прошипела Марго.

– Ладно, не злись, моё дело предупредить. Хотя... – испанец склонился ещё ниже, почти щека к щеке, – ты настолько неотразима, что я, возможно, не испугался бы твоего Дюпона...

– Дурак! – Марго резко встала, – отцепись же ты, наконец, и дай мне переодеться!

– Bravo, о, несравненная! – проваливаясь ниже, испанец чуть ли не распластался перед ней в глубоком поклоне, – ты неповторима! Не иметь мне больше ни одного контракта, если вру!

Марго одним махом смела с лавки ком вещей и скрылась в ближайшей раздевалке.

– Везет же дуракам! – выпрямляясь, сообщил зеркалу испанец, – только хотел бы я знать, а кто же здесь дурак, а?

2

За окнами вагона проносилась ночь. В сгустившемся сумраке мелькали черные бесформенные массы деревьев, матово поблескивала трава. Поезд прогрохотал по мосту, и внизу промелькнула серебристая лента реки.

Кондуктор проверил билеты, патруль – документы. Пассажиры уgomонили взбудораженных посадкой детей, распихали багаж, поужинали и теперь спали, кое-как разместившись на жестких вагонных полках.

В сонной, душевной темноте вагона медленно, как зеркальные карпы в королевских прудах, шевелились сны.

Жан тоже спал, неудобно свернувшись на слишком узкой и короткой для него полке. Во сне ему снилось, что он не спит. Там, во сне, он сидел на своем месте в углу вагона и смотрел в окно, почему-то не закрытое светомаскировочной шторой.

За окном медленно разворачивались длинные ленты сизо-фиолетового тумана, от одного взгляда на которые ему отчего-то становилось тревожно и сладко. Ленты плели сложные замысловатые узоры, превращаясь то в струйки сигаретного дыма, то в ручейки, наполненные искрящимся в темноте шампанским. Постепенно ручейки слились в сплошную мерцающую реку, сквозь которую проступила никелированная барная стойка, из-за которой вдруг высунулся помреж и нацелился на Доре огрызком карандаша.

«Шпагу сдал?»

«Да сдал я, сдал!»

Твердо зная, что помреж здесь лишний, что его появление только запутывает, отвлекает от самого главного, отчего-то такого, что долгие годы занозой сидело в его мозгу, Доре раздраженно завертелся на полке и попытался мысленно вымести помрежа из кадра. И, как это ни странно, помреж дей-

ствительно вымелся. Но в отместку захватил с собой стойку, которая была здесь абсолютно необходимо. Настолько необходима, что, потеряв её, Доре чуть не застонал от разочарования.

«Браво!»

В этом сне он помнил, что полка напротив занята отдышливым суетливым стариком, обвязавшим себе перед сном голову бледно-голубым хлопчатобумажным платком. Но теперь вместо старика на полке уютно расположилась Марго.

«Съёмки только зимой, а зачем нам ждать до зимы? – Марго наклонилась вперед, оперлась руками о его полку и улыбнулась медленной соблазнительной улыбкой, – зачем?...» Она опустилась ещё ниже, почти легла ему на грудь, протянула руку и почему-то стала дергать его за волосы.

«Отвяжись,» – раздраженно брыкнул полку Доре.

«Дурак,» – фыркнула ему в лицо Марго, после чего откинулась назад и замолчала, не сводя с него мерцающих в темноте глаз.

«Почему ты молчишь?» – почему-то забеспокоился Доре.

Сквозь широкое венецианское окно в купе медленно втекала серебристая клубящаяся ночь, пропитанная удушливо-сладкой смесью ароматов бензина, раскаленного асфальта и цветущей сирени.

Марго продолжала молчать и смотрела на него так... так...

«Откуда у Марго такие глаза?» – опрокидываясь в неправдоподобно огромные, ярко-голубые омуты, изумленно подумал Доре, – откуда? И лицо! Откуда у неё такое лицо?!»

Ещё мгновение назад до отвращения четкое, теперь лицо женщины дрожало, растворяясь в зыбкой полутьме веранды. И не Марго уже сидела напротив, а та, то ли увиденная, то ли приснившаяся, не имеющая ни прошлого, ни будущего, то ли реальная женщина, то ли его ночная грёза.

Жан попытался встать... спросить... удержать...

«Спи».

И Доре, наконец, заснул.

3

На рассвете экспресс «Марсель-Париж» вполз под крышу Лионского вокзала.

Битком набитый вагон возбужденно загомонил, готовясь выплеснуться на шоколадный асфальт перрона. Более организованные, увешанные баулами и свертками пассажиры уже добрых минут двадцать нетерпеливо переминались в тамбуре, остальные всё ещё судорожно собирались, с нарастающей паникой оглядываясь на проползавшие за окнами

семафоры.

Жана притиснули почти к самой спине раздраженного кондуктора.

В последний раз лязгнули колеса, кондуктор откинул подножку и спустился на нижнюю ступеньку.

Поезд засипел и остановился. Кондуктор спустился на перрон.

Жан спрыгнул следом. С удовольствием втянул в себя влажный рассветный туман, чувствуя, как вместе с воздухом в легкие вливается легкое приятное возбуждение.

После раскаленного юга здесь казалось сыро и холодно. В трещинах асфальта скопилась дождевая вода, на металлических полозьях ограничителей налипли намокшие, побуревшие от влаги листья.

Мокро, холодно...

«Дома!.. Наконец-то я дома!..» – выходя на привокзальную площадь, с привычной радостью подумал Доре.

Старенький тряский автобус довез почти до самого дома.

В булочной напротив он прихватил пакет с горячими рогаликами и, перебежав через улицу, нырнул в своё парадное.

– Доброе утро, мадам Жосс!

Консьержка растерянно уставилась на вошедшего. Жан махнул ей пакетом и, весело перепрыгивая через ступеньки, помчался вверх.

– Месье Доре, месье Доре! Остановитесь! – тучная консьержка неожиданно проворно выскочила из-за конторки, – месье Доре!

– В чем дело, мадам Жосс? – Доре приостановил бег и перевесился через перила.

Консьержка, казавшаяся отсюда синим матросским беретом, небрежно брошенным на пол подъезда, запрокинула к нему круглую пуговицу лица.

– Месье Доре, будьте добры, спуститесь.

Доре мельком глянул на дверь своей квартиры, пожал плечами и сбежал вниз.

– Ну, что случилось, мадам?

Консьержка смущенно затопталась на месте.

– Зайдите ко мне, месье.

Оставив на конторке пакет с рогаликами, Доре галантно распахнул дверь.

– Только после вас, мадам!

Консьержка поспешно протиснулась в свою каморку и торопливо взгромоздилась на высокий конторский стул.

– Садитесь, мосье Доре.

Доре нетерпеливо присел на краешек старого продавленного кресла.

– Вас ведь долго не было в Париже? – женщина говорила быстро, словно торопясь заполнить словами томившую её паузу, – как прошли съёмки?

– Спасибо, отлично... Да что случилось, мадам?

– Видите ли... – замялась консьержка, – вас так долго не было... – не зная, куда девать глаза, она смущенно уткнулась взглядом в верхнюю пуговицу его рубашки, – хозяин полагал, что вы... что вам... – женщина собралась с духом и выпалила, – вашу квартиру реквизировали.

– Как? – задохнулся Доре. Несколько секунд он ощущал физическую нехватку кислорода, словно его стиснутые волнением легкие раз и навсегда разучились втягивать в себя воздух.

– Комендатура реквизировала вашу квартиру, – сказав главное, консьержка заметно успокоилась, – они регулярно требуют списки всех незанятых квартир, и хозяин вынужден был... Вы же понимаете?

Поглощенный необходимостью заставить свои легкие дышать, Жан только автоматически кивнул головой.

– Все ваши бумаги и э-э-э... – консьержка опустила глаза и густо покраснела, – интимные предметы я собрала, они в

вашем большом черном чемодане у меня дома, поэтому если вы...

«Комендатура... реквизирована... вещи... Дьявол!» – наконец протолкнув в себя вдох, а вместе с ним и смысл услышанного, взъярился Доре.

– Какого черта потребовалось комендатуре в моей квартире!?

– Они временно поселили туда нового жильца.

– Кого!?

Женщина испуганно заморгала редкими бесцветными ресницами, покраснела ещё гуще (хотя, казалось бы, больше некуда!), прижала руки к груди и обречено подняла на него глаза.

– Возможно, месье Доре, это ненадолго. И, поскольку вы приехали, комендант...

– Кто!!?

Женщина вильнула взглядом в сторону и замерла, испуганно притиснув к груди руки с судорожно стиснутыми ладонями.

Жан непроизвольно обернулся.

По лестнице спускались ноги в широких военных галифе, заправленных в высокие армейские сапоги. Вслед за ногами появилось туловище, втиснутое в серый мундир. Затем лицо

с тяжелым бесформенным подбородком, увенчанное огромной фуражкой с высоко заломленной тульей.

Сорвавшись со стула, консьержка метнулась к конторке, но немец, не останавливаясь, прошел к выходу.

Уже начиная понимать, Доре проводил его мрачным внимательным взглядом, а когда офицер вышел, выглянул в окно, проследив, как тот сел на переднее сиденье поджидавшей его машины.

– Он?

Консьержка виновато кивнула.

– А мои вещи? Мебель? Обстановка? Консьержка молча развела руками.

Доре медленно встал, расправил складки плаща, поднял чемодан.

– До свидания, мадам Жосс. Спасибо. За бумагами я зайду позже. До свидания.

И вышел, забыв пакет с рогалями на конторке.

4

– Извините, месье Доре, но денег нет, – щуплая белесая кассирша по-мышьиному высунулась из окошка кассы, – до конца съёмов директор запретил проводить любые выплаты, а для верности забрал всю наличность в свой сейф. Я

очень сожалею, месье Доре. Попробуйте обратиться лично к нему, – кассирша сочувственно уставилась на актера.

Доре машинально забрал у неё свои бумаги, тщательно сложил их и попытался засунуть во внутренний карман пиджака, не замечая, что загнутый уголок расписки каждый раз цепляется за край плаща.

Кассирша перестала дышать, боясь спугнуть мгновения, о которых она потом с таким удовольствием расскажет в бухгалтерии: «Такой мужчина! Стоит передо мной, бледный весь. «Что мне делать, Жюстина, помогите?» Совсем растерялся, бедняжка, руки дрожат, и смотрит на меня такими глазами!..» – кассирша не удержалась и возбужденно вдохнула.

Доре вскинул на неё глаза, заметил откровенный женский взгляд и раздраженно отвернулся. Сконфуженная кассирша виновато забилась в глубину кабинки, откуда и пискнула охрипшим от переживаний дискантом:

– Директор, месье Доре.

Но Доре уже сам бросился догонять тщедушную фигуру директора, мелькнувшую в конце коридора.

«Боже мой!» – рванувшись следом, чуть не вывалилась из окна кассирша. Мужчина в три шага проскочил бесконечный коридор и скрылся за поворотом.

Женщина напряженно прислушалась, но смогла уловить только мягкий хлопок обитой кожей двери директорского

кабинета. Через несколько секунд дверь почти бесшумно охнула и хлопнула повторно.

«Дорогой мой, не отчаивайтесь, я постараюсь что-нибудь для вас сделать... – представив себе, как она, утешая, по-матерински нежно гладит его по волосам, кассирша закусила губу и нервозно закрутилась на стуле, – какой мужчина!»

5

– В общем, Жаклин, я влип, – распахнув плащ, Жан по-нуру взгромоздился на высокий вращающийся табурет перед стойкой. Пышногрудая броская Жаклин поставила перед ним чистый стакан, – квартиры нет, денег нет, работы нет... и с директором разругался.

– Зря.

– Сам знаю.

– Что пить будешь?

– Наверное, стрихнин.

Жаклин достала из-под прилавка початую бутылку вина.

– А твоя роль в театре?

– Роль-то осталась... – безрадостно протянул Доре, – театр закрыли.

Жаклин щедро плеснула в стакан.

– Ладно, Жан. Как-нибудь обойдется.

Мужчина взял стакан, принялся и удивленно поднял брови.

– Тебя отсюда не выгонят? Мне за коньяк платить нечем.
Жаклин жуликовато улыбнулась:

– Тут вчера одна компания гуляла. Боши отмечали день рождения командира... Под конец доотмечались до того, что хоть весь стол из-под носа уноси... Так что, пей.

– Вот за что я тебя люблю, – Жан залпом опрокинул в себя стакан.

– На, – Жаклин выдернула из-под прилавка тарелку с закуской и подсунула ему под локоть, – из тех же запасов. Ешь, голодный, небось.

– Ещё бы! – Жан сгреб с тарелки пару пластов ветчины, скрутил в трубку и отправил себе в рот, – с утра ношусь нежрамши. Как тут? – проглотил и скрутил следующие куски, – я, можно считать, почти год в городе не был. Из Бретани приехал, три ночи дома переночевал и опять на натуру. Потом на озвучку приезжал, но тогда мы из павильона почти не вылезали, а потом сразу в Прованс.

– Плохо сейчас в Париже, – Жаклин тяжело вздохнула и машинально поправила наколку на пышно взбитых волосах, – и с работой плохо и с продуктами. По продуктовым талонам черт знает, чем отоваривают, а на черном рынке цены сумасшедшие. Да и немцы цепляются. Особенно к мужчинам.

– Здесь у меня порядок, – Доре отпил глоток и заел коньяк сыром, – у меня же контракт с киностудией ещё на один фильм.

– Тогда тебе проще. А вообще, что дальше делать будешь?

– Не знаю, фильмом пока и не пахнет, – Доре удовлетворенно оторвался от тарелки, – уф! Теперь жить можно. Кстати, у тебя можно остановиться на пару дней?

Жаклин пожала плечами.

– Конечно, можно. У тебя на сегодня ещё дела есть?

– Вроде бы нет.

– Тогда дождись меня, и вместе пойдем. Одного тебя консержка не пустит. Давай чемодан.

– Я тебя не скомпрометирую? – нагибаясь за чемоданом, больше для проформы, осведомился Доре.

Жаклин весело фыркнула.

– Наоборот, поддержишь репутацию.

– Вообще-то я собирался остановиться у Ксавье, – пояснил Жан, протискивая под стойку свой чемодан, – но его опять где-то носит, а консержка вместо вразумительного ответа уставилась на меня, как на привидение... Эй!.. – заметив, как судорожно сжались пальцы Жаклин, мужчина удивленно поднял на неё глаза, – что-то не так? Я думал, что вы... ладно, извини, я не хотел...

Жаклин отвела глаза и молча скрутила полотенце.

– Опять, что ли? – Доре затолкал под стойку чемодан и отряхнул ладони, – говорю тебе, не переживай! Погуляет и вернется...

– Ты... – глаза Жаклин потемнели, – ты разве не знаешь?

– Черт возьми, а что я должен знать? – уже начиная пони-

мать, что дело не в банальной ссоре, а в чем-то более серьезном, возможно... – вы что, совсем разошлись?

– Его взяли осенью сорок первого...

– Как?... Куда?... – в первую минуту Жан даже не понял, о чем она говорит, – постой... но... он же не еврей! Его мать была еврейкой, но...

Жаклин ещё сильнее скрутила полотенце. Так сильно, что побелевшие пальцы почти слились с тканью.

«Как кровь,» – глядя на темно-малиновые пятна маникюра, он почему-то вспомнил кадр из фильма, в котором на закапанном красной краской снегу лежал мертвый кролик.

– Я слышал... меня тогда в городе не было... на киностудии тогда тоже многих забрали, даже некому было монтировать куски... – понимая, что несет невозможный, недопустимый бред, он опустил глаза и тупо уставился на тарелку, – но, я не думал, что и его... тогда высылали только евреев... я думал, что...

Жаклин отвернулась, зачем-то переставила стаканы на витрине.

– Он что-нибудь тебе писал?

Жаклин отрицательно покачала головой.

– Я... черт... – Жан опустил голову и сжал руки.

Сзади, пропуская очередного посетителя, скрипнула вертящаяся дверь ресторана.

– Извини, – мазнув взглядом по вошедшему, Жаклин быстро подобралась и вытерла стойку тряпкой, – мне работать надо... Так как? Ты подождешь?

– Да.

«Если его забрали ещё тогда, то – всё, – он слишком хорошо знал, что случилось с людьми, которых немцы вывезли из Парижа в сорок первом, – квартира... Черт! Плевать на квартиру!.. Бедняга Жаклин»...

– Тебе лучше пересесть...

Только сейчас осознав, что девушка уже дважды повторила свою просьбу, Жан торопливо забрал со стойки посуду и направился к столику в дальнем углу зала.

Глава 2

1

Когда солдаты вытолкали его на крыльцо, Жан на мгновение ослеп от ударившего в лицо солнечного света. Азарт, или что называется, актерский кураж жаркой волной окатил тело, смывая последние остатки осторожности. Простым до элементарности приемом он отшвырнул своих конвоиров назад, точно зная, что, попав в тесный сегмент между крыльями, они на несколько минут намертво заклинят дверь. Затем перескочил через перила и бросился вниз по улице.

Ему требовалось не больше тридцати (максимум, сорока!) секунд, чтобы успеть проскочить глухой трехподъездный дом и свернуть на пешеходную лестницу. А уж там!..

«Черта с два вы меня возьмете!»

Заветный переулок метнулся навстречу, а с ним и хрупкая фигурка с маленьким, почти игрушечным пистолетом.

Негромкий хлопок выстрела почти слился со звоном разбитого стекла.

– Быстрее!

Жан шарахнулся в сторону, вжался в чью-то дверь, в безумной надежде рванул её на себя.

Закрыто!

Женщина, так напугавшая его, почти на полкорпуса высунулась из-за стены, несколько раз выстрелила и скрылась обратно, на доли секунды опередив хлестнувшую по ней автоматную очередь.

Пули прошли пустое пространство. Из стены дома брызнули фонтанчики раскрошенной штукатурки.

Следующая автоматная очередь вжала Доре в нишу подъезда. Теперь, когда пули ровной строчкой вгрызлись в облицовку двери, пылевые фонтанчики вскипели так близко, что ему в лицо брызнули мелкие кусочки известки.

«Кажется, водитель, – ещё больше прижимаясь к двери, подумал Доре, – больше некому. Если бы его только отвлекли»...

Женщина высунулась и выстрелила снова.

«Хладнокровная! – единым взглядом охватывая всю её фигуру, бессознательно отметил Доре, – бьет, как в тире стреляет».

– Ну же!

Он опомнился, рванулся вперед, перелетел через улицу и ввалился в переулок. Не останавливаясь, схватил незнакомку за руку и потащил за собой.

– Быстрее!

– Нет!!

Она попыталась остановиться, но, наверное, проще было бы затормозить поезд.

Впереди взвыл мотор.

– Сюда!

С неожиданной для неё силой, женщина рванула его назад, протащила несколько ступенек вверх и втокнула под глухую декоративную арку, отделявшую от лестницы чей-то дворик.

– Сюда!!

Не останавливаясь, она потянула его к задней стене арки.

– Дура!

Жан попытался выпихнуть её обратно, но, услышав на лестнице грохот сапог, мысленно выматерился, сгреб женщину в охапку, вмял в темный закуток между стеной и колонной и притиснул спиной к камню.

Женщина рванулась.

– Идиот!

Левой рукой он зажал ей рот, а правой попытался отобрать пистолет.

Чуть ниже них, на пересекающей лестницу улице, прогрохотал грузовик. Слышно было, как машина остановилась, как хлопнула дверь, застучали об асфальт подошвы...

Женщина обмякла, а в следующее мгновение, воспользовавшись тем, что хватка мужчины ослабла, резко ткнула его кулачком в солнечное сплетение, после чего вывернулась вперед и встала лицом к выходу.

– Тихо!

Жан согнулся от удара и замер, беспомощно лоя ртом воздух. Вдоль лестницы солдаты уже колотили кулаками в закрытые двери, методично проверяли подворотни и подъезды... Неожиданно свет заслонила чья-то фигура.

Почувствовав опасность, Доре выпрямился, наткнулся взглядом на невысокого коренастого мужчину и...

«Вот и всё, – загипнотизированный видом униформы, До-

ре медленно, так медленно, как будто всё происходящее несколько его не касалось, осмотрел солдата с ног до головы, – наверное, баварец. Хотя, можно подумать, что я успел повидать так много баварцев, что могу их отличать. Но то, что сволочь, это точно! Сейчас позовет своих, и всё!.. Черт! Девчонку жалко, – краем глаза он не столько увидел, сколько почувствовал невероятное напряжение, сковавшее её тело, – дернула её нелегкая вмешаться!»

Находясь, словно во сне, он продолжал наблюдать, как солдат равнодушно скользнул по ним взглядом, потоптался на месте, затем шагнул в противоположный угол, повернулся к ним спиной и завозился со штанами.

Послышалось журчание...

«Вот, мерзавец, дотерпеть не мог. А ещё хваленая немецкая дисциплина!» Солдат быстро привел себя в порядок и выскочил обратно на лестницу.

Жан оторопело уставился на опустевший проем: «Как же так? Он что, слепой?... Или я свихнулся?»

Рядом кто-то вздохнул.

Доре испуганно дернулся и сжал чью-то руку. Девушка охнула.

«Черт!» – сообразив, кто рядом с ним, он ослабил хват. Выдернув руку, девушка проскользнула мимо него и осто-

рожно выглянула наружу. Убедившись, что погоня спустилась ниже, она неслышно переметнулась в противоположный угол арки, обернулась и нетерпеливо поманила его ладонью.

Жан метнулся следом.

Здесь, между стеной и колонной образовалось узкое прямоугольное отверстие, из которого тянуло сквозняком, и пробивался свет.

Мужчина растерянно моргнул.

– За мной, – девушка проскользнула внутрь.

Жан повернулся боком и, пачкая штукатуркой плащ, протиснулся в узкий темный дворик. Даже не двор, а крохотный каменный мешок, со всех сторон оплетенный буйной порослью дикого винограда.

– Быстрее! – девушка одной рукой схватила его за плащ, а другой отвела в сторону, безжалостно оторванную от стены, плотную, как циновка, завесу стеблей, – давайте! – она отпустила плющ и нетерпеливо махнула перед собой рукой, – у меня там машина.

– Черт!

Шершавая, покрытая влажными кусочками содранной со стены штукатурки масса сочно шлепнула его по лицу.

«Бред какой-то!.. – выпутываясь из плюща, подумал До-

ре, – противная, зараза!»

– Ну, же!

Женщина нетерпеливо отдернула лохмотья циновки.

– Откуда здесь эта?...

– Потом! – не давая ему опомниться, она опять схватила его за плащ и потащила прочь от стены, – нам надо уходить, пока не оцепили весь квартал!

«Точно!» – Жан перехватил её за руку и рванулся вперед, туда, где за низкой, полуразрушенной стеной виднелась позеленевшая голова мраморного Купидона.

Они пролетели мимо пустой раковины фонтана, мимо скамейки, вросшей в ствол столетнего каштана, продрались сквозь клумбу с одичалыми мальвами, преодолели ещё одну стену, потом ещё, протиснулись в щель между домами, пробежали через такой же дворик, мимо мусорных баков, нырнули под низкую арку полуоткрытых ворот и...

Жан шарахнулся в назад, сбил девушку с ног, и, не позволяя ей упасть, втащил обратно за ворота.

– Вы!..

– Тихо!

Мимо ворот с оглушительным треском пронесся патрульный мотоцикл с коляской.

– Назад! – пятясь задом, актер вдавил её обратно во дворик.

– У меня там машина...

– Поздно, там солдаты.

– Надо попытаться добраться до машины, – продолжая упорствовать, девушка попыталась освободиться от его руки, всё ещё крепко обнимающей её талию.

– Бесполезно. Всё равно, квартал уже, наверняка, оцепили. Машины будут проверять в первую очередь... Пошли, – не замечая, что всё ещё тащит её за собой, он перешагнул через остатки декоративной ограды и направился к дальней стене дворика, – я знаю, что делать.

– Да отпустите же меня! – потеряв терпение, девушка яростно ударила ладонями по его руке.

– Пардон, – он автоматически отпустил талию и перехватил её за руку, – не отставай.

Перед глазами опять замелькали одичалые дворики, веранды, клумбы, остатки гипсовых статуй.

«Изнанка Монмартра, – привычно фиксируя маршрут, с неожиданной нежностью подумал Доре, – ничего здесь за двадцать лет не изменилось. Разве только раньше всё это не казалось таким маленьким».

– Сюда.

Деревенский участок города, по которому они пробирались, закончился глухой стеной пекарни, по которой распластались розовые кусты, безжалостно выжитые из сада другими растениями.

С плоской крыши спускалась пожарная лестница, последние ступени которой лишь немного не доходили до верхушек розария.

– Лезь. Я помогу.

Не оставляя времени на возражения, Доре подхватил её под колени и вскинул вверх, давая возможность уцепиться руками за предпоследнюю ступеньку, после чего перехватил за ботинки и подтолкнул. Девушка подтянулась, уперлась коленкой в нижнюю ступень, ещё раз перехватила руки, поставила второе колено, выпрямилась и полезла вверх, методично переставляя стройные ноги, обутые в легкие кожаные туфли.

«Однако!..» – Доре невольно задержал взгляд на белом пятне, мелькавшем в глубине плаща.

Девушка долезла до козырька крыши и оглянулась.

«Дурак я! – пойманный с поличным, он поспешно перевел глаза на ступеньки и фыркнул, – нашел время!»

Теперь надо было лезть самому.

Доре примерился, подпрыгнул, схватился за перекладину, подтянулся и полез, стараясь не поднимать глаза выше той ступеньки, за которую в данный момент хватались его руки.

К тому времени, когда он добрался до водостока, девушка уже успела выбраться на крышу и теперь стояла на коленях рядом с лестницей. Жан выполз следом, встал, отряхнулся, схватил её за руку и поднял, разворачивая лицом к себе.

– Пошли.

Она молча зашагала рядом.

2

Плоская крыша казалась бесконечной. Следующая при-мыкала к ней вплотную. И следующая.

В конце ряда им пришлось встать на четвереньки и переползти по довольно узкой арке над въездными воротами, а в конце следующего порядка домов перепрыгнуть через узкий провал между домами.

Отсюда казалось, что уровень крыш практически не меняется, разве только иногда вспучивается над стеклянными окнами современных мансард. На самом же деле, улицы давно уже провалились куда-то вниз настолько глубоко, что даже посаженные вдоль тротуаров деревья казались отсюда растрепанными огненно-золотыми метлами, воткнутыми в

землю нерадивыми дворниками. Двухэтажные домики постепенно сменились многоквартирными пчелиными ульями, по самые крыши набитыми людьми.

Старый квартал разворачивался бесконечной, обманчиво монолитной панорамой разнокалиберных крыш, загроможденных хаосом печных и вентиляционных труб, чердаков, ящиков с увядающими цветами, сохнувшим на веревках белым, детскими колясками, велосипедами, ручными тележками, корытами и прочим старым хламом. Над всем этим великолепием трепетала сложная паутина телефонных и электрических проводов.

«Двадцать лет прошло, а тут ничего не изменилось, – наткнувшись на завешанный простынями участок, с неожиданной для себя тоской подумал Доре, – сколько помню, здесь всегда сушились простыни»...

Вдруг нестерпимо захотелось открыть дверь чердака, спуститься вниз по лестнице, заглянуть на кухню, где возможно именно в данную минуту мамаша Бешо варит для кого-то из постояльцев своего крохотного отельчика кофе.

«Когда выберусь, – отворачиваясь от двери, сам себе пообещал Доре, – обязательно зайду. А то даже комнату сниму. Жить-то мне теперь всё равно будет негде».

За отелем пришлось залезть на этаж выше и пробираться по узкой дорожке между кирпичным ограждением и крутым

скатом кровли.

Девушка продолжала молча шагать сзади, но, зацепившись ботинком за выступ, качнулась и испуганно вскрикнула. Доре автоматически обернулся, рванул её к себе, сгреб в охапку и прижал, только сейчас заметив, как побледнело её лицо.

«Устала? Ещё бы!»

Незаметно, стараясь не привлекать её внимания, перехватил руки, тем самым давая ей возможность опереться на него локтями.

– Уже недалеко. Скоро можно будет спуститься, – Доре осторожно ослабил хватку, держа её теперь так близко к себе, что почти касался губами волос, – красиво здесь, правда?

Девушка изумленно подняла глаза, наткнулась на его улыбку, закусил губу и попыталась отвернуться.

– Никогда ещё не приглашал девушек прогуляться по крышам. Может быть, стоит попробовать, а?

– Ага, – она энергично кивнула головой и снова вскинула на него глаза, – лучше всего в полнолуние, в марте.

– Отлично! – весело фыркнул мужчина, – в таком случае, приглашаю...

– Спасибо, – девушка резко высвободилась и чуть ли не до самых бровей натянула на лоб беретик, – пошли.

– Пошли, – поворачиваясь спиной, он крепко взял её за

руку, – не вырывайся. Здесь довольно неудобный участок.
– Хорошо.

В конце квартала дома стали понижаться, образуя своего рода гигантскую лестницу, некоторые пролеты которой были превращены в террасы и огорожены перилами. Теперь, перебираясь с одной крыши на другую, им приходилось либо сползать на животе, либо перелезть через перила и прыгать. Некоторые уступы оставались глухими, в других пробили окна, большей частью закрытые деревянными ставнями.

Жан легко спрыгнул на очередную крышу, выпрямился и протянул руки.

– Давай.

Девушка перелезла через перила, примерилась и прыгнула следом.

– Оп-ля! – Жан на лету подхватил её и, не торопясь опускать на землю, поинтересовался, – давно хочу тебя спросить. Ты, случайно, не из цирка?

– Нет.

– Любопытно... ты хорошо стреляешь, не боишься высоты, разгуливаешь по городу с пистолетом и вступаешь в перестрелки с солдатами. У тебя что, хобби такое, отбивать у конвоя арестованных?

– Я никого не отбивала. От патруля вы сбежали сами. Она попыталась незаметно дотянуться до земли ногами.

– Согласен, – не стал спорить Доре, – точнее, я собирался сбежать. Думаю, что мне даже удалось бы это сделать.

– Да. Возможно...

Внезапно что-то отвлекло её. Что-то неприятное, липкое, как... как...

Девушка скосила глаза и попыталась рассмотреть, что делается за плотными шторами, закрывающими окна ближайшей мансарды.

– Где ты живешь?

– Там, – не вдаваясь в подробности, девушка дернула подбородком вправо.

«Скажите пожалуйста, – прикинув, какие кварталы там находятся, Доре удивленно вскинул брови, – всего-то на всего!»

– Любопытно. И что же привело тебя к «Сеюшу»?

Вместо ответа она демонстративно отвернулась и уткнула взгляд в стену.

«Ах, пардон, – расценив её поведение, как пренебрежение, Доре оскорблено сжал губы, – мы такие благородные, что с кем попало, не разговариваем! Ну, это мы ещё посмотрим».

– Тебе не кажется, – привлекая её внимание, мужчина слегка сжал руки, – что нам не мешало бы познакомиться?

– Нет.

Она прижала к бокам локти и выскользнула из его объёма.

тий так стремительно, что звонко стукнулась подошвами о цемент.

«Ах, так?! Прекрасно! – теперь уже действительно разозлившись, он хмыкнул и резким взмахом головы отбросил назад упавшую на лоб прядь волос, – скажите, пожалуйста, из Шестнадцатого округа она!.. Да хоть из королевской фамилии!.. Считаешь ниже своего достоинства разговаривать, так нечего по Монмартру шляться!.. Сидела бы в своем Шестнадцатом да шоколад ела... Кривляка!»!

– Как знаешь, – чувствуя, что закипает, Доре распахнул плащ и сунул руки в карманы.

«Подумаешь, цаца! – с огромным трудом сдерживая своё раздражение, он смял в кулаках ткань подкладки, – сама из себя ничего не представляет, а туда же!.. Либо папаша – банкир, либо любовник».

– Здесь можно спуститься, – заставляя себя успокоиться, он отвернулся, глубоко вдохнул и медленно выдохнул через стиснутые зубы воздух, – надеюсь, оцепление мы уже миновали.

– Отлично, – всё ещё продолжая изучать окна, рассеянно согласилась она.

– Что ты собираешься делать дальше? – намеренно упирая на «ты», с ледяным спокойствием поинтересовался Доре.

– Что?

«То самое! И не надейся, что я буду тебе «выкаты»! – наблюдая за её замешательством, он удовлетворенно усмехнулся».

ся, – можешь распоряжаться своим лакеем, а со мной такие номера не проходят»!

– Ты не боишься, что тебя могут узнать?

– Нет. Меня никто не видел. А вы?

– Я? – эта мысль ещё ни разу не приходила ему в голову.

– Да. У них ваши документы, а после перестрелки, вас уже наверняка объявили в розыск...

– Черт! Верно, – переключаясь на себя, согласился Доре, – ещё пара часов и у каждой немецкой дворняжки в городе уже будет моё фото.

– Быстрее, – не согласилась она, – при убийстве офицера они действуют намного быстрее.

– Убийстве?! – уставился на неё Доре, – Ты уверена?

– Да.

– Черт!

Красные капли на белом снегу... красные, как кровь ногти... сжатые от боли губы Жаклин...

– Мне жаль... – как сквозь красный туман, услышал Доре.

– А мне нет! – прямо в туман заорал он, – ясно тебе?! Я не жалею, что ещё одной немецкой сволочью меньше стало! Жаль, что только одной! Надо всю эту мразь одной очередью!..

– Halt!

– Что!? – развернувшись, слепо рванулся на голос мужчины, – да я тебя!..

И тут хлопнула дверь.

Доре крутануло назад и влево так сильно, что соврало с места и вмяло плечом в стену.

На мгновение перед девушкой вдруг открылось круглое как иллюминатор, окно, за приоткрытой створкой которого у отдернутой шторы неподвижно стоял и смотрел на неё мужчина в темном костюме.

Глаза в глаза.

Так близко, что, если бы не стекло, она могла бы услышать скрип зажатой в пальцах его левой руки ткани.

В правой, аккуратно выставленной между створками, он держал пистолет, который сейчас с невероятной медлительностью поворачивался в её сторону.

Затем в разделяющем их стекле вдруг появилась аккуратная маленькая дырочка, во все стороны от которой по стеклу разбежалось множество трещин.

По-прежнему не отводя от неё взгляда, мужчина крепко сжал пальцами гардину и стал откидываться назад, всё больше и больше натягивая ткань.

Глаза в глаза. Пока его голова окончательно не запрокинулась.

Затем потревоженная гардина вернулась обратно, а из окна выпал кусок стекла и с оглушительным звоном врезался в каменный пол террасы.

– Жан!! – выведенная из транса звоном стекла, оглянулась
Этьена, – Жан! Сгорбившийся у стены мужчина качнулся.

– Сейчас...

Она рванулась назад, подхватила его под руку, попыталась удержать, но, когда мужчина оторвался от стены и всей тяжестью навалился на неё, только придушенно охнула и вместе с ним сползла на скат крыши.

– Я сейчас... – высвободив одну руку, она попыталась расстегнуть его пиджак.

– Нет... потом... – пытаюсь встать, беспомощно загреб ногами Доре, – надо уходить...

– Сейчас, – она нашарила в кармане плаща тюбик губной помады, сорвала доньшко и вытряхнула на ладонь крохотный серебристый шарик, – сейчас... – пропихнула пилюлю ему в рот, – глотай!

Мужчина судорожно сглотнул.

– Это лекарство. Оно поможет. Тебе будет лучше...

– Уходи...

– Сейчас... давай... – она перехватила его под руку и подтащила к краю крыши, – всё будет хорошо... сначала спущусь я, потом ты... здесь почти рядом...

Не переставая говорить, Этьена легла на живот и спустила вниз ноги. Нашупав твердую опору, она отпустила бортик ограждения, встала и потянула мужчину за собой.

– Давай.

Жан перевернулся на живот и тоже сполз вниз.

– Осторожно!..

Пытаясь смягчить падение, она обхватила его за талию, но поскользнулась и вместе с ним мешком свалилась на плоский фронто́н.

– Дьявол!..

Мужчина оттолкнул её и попытался сесть, но девушка вцепилась в его рукав и упрямо потащила дальше.

– Ещё немного...

Они перевалились через водосточный желоб и съехали по крутому скату на узкий козырек, под которым уже мокро поблескивали камни двора.

Доре привычно скользнул взглядом по стене и замер. Лестницы не было. Конечно, её и не должно было быть. В детстве они называли «лестницей» декоративную решетку для винограда, по которой спускались с крыши на землю. Но за прошедшее время крыльцо переделали, и теперь стену террасы украшало огромное панорамное окно.

Та же решетка, только заполненная десятками разноцветных стекол!

«Черт! Только этого не хватало!» – мысленно прикидывая

высоту фронтона, подумал Доре, – конечно, высота небольшая, но... – он машинально повел простреленным плечом и сморщился, – если бы не это! Ничего серьезного, иначе я бы здесь не сидел, но при жестком приземлении может...»

– Придется прыгать, – стараясь не смотреть ей в лицо, спокойно (так, как если бы говорил сам себе) обронил Доре.

– Да.

Этьена подобрала полы плаща, села и свесила вниз ноги.

– Осторожнее...

В воздухе мелькнул берет, за ним послышался тихий удар подошв об асфальт.

«Точно, из цирка!»

Теперь уже он сам подобрался к краю навеса, сгруппировался, оперся здоровой рукой о желоб и метнул своё тело вниз так, как десятки раз делал это на съемках. Земля привычно рванулась ему навстречу, но вместо мягкого пружинистого толчка ударила настолько жестко, что он не смог удержаться на ногах, и неуклюже завалился боком на камни.

– Давай!.. Ну, же!..

Девушка попыталась приподнять его, но, увидев белое, как мел лицо, закинула себе на плечо его руку, обхватила за

талию, вцепилась в ремень, оторвала от земли и потащила прочь.

Шатаясь, они пересекли двор, обогнули угол дома и добрались до заглохшего садика, где Доре грузно осел вниз, подмяв её под себя.

– Нет!.. нельзя...

Бесполезно. Теперь, окончательно потеряв сознание, он, действительно, стал невозможно тяжелым. Уже понимая, что это безнадежно, девушка всё-таки попыталась заставить его встать.

– Вставай!.. Ты должен! Ну, ну же... пожалуйста, вставай...

Сзади что-то зашелестело. Этьена резко разогнулась, сунула руку в карман и обернулась, чуть не уткнувшись лицом во что-то серое, стрелой промелькнувшее перед глазами.

– А-а!..

Кошка на секунду задержалась на дорожке, испуганно оглянулась и метнулась в кусты.

«Это только кошка! – задохнувшись от страха, попыталась успокоить себя Этьена, – обыкновенная подзаборная кошка, которая испугалась меня не меньше, чем я её. Грелась

где-нибудь на подоконнике, а тут... Окна! – вдруг сообразила она, – если нас увидят из окон, то могут вызвать солдат!»

Она тревожно оглянулась на стену дома.

«Слава богу, глухая!» Хоть в этом ей повезло.

«И не только в этом, – ещё раз оглядев дворик, поняла Этьена, – не только...»

Она перевернула потерявшего сознание мужчину на спину, подхватила подмышки и втащила внутрь буйно разросшихся кустов.

3

Пятачок оказался крохотным. Не больше десяти квадратных метров, ограниченных серой кирпичной стеной, покрытой ровным налетом бледно-зеленого мха. Давно не стриженные старые кусты накрывали площадку сплошным шатром жесткой темно-зеленой листвы, усыпанной гроздьями мелких кроваво-красных ягод.

Внизу, под кустами было сухо, пыльно и сумрачно.

Согнувшись, Этьена протащила его внутрь, к самой стене, где прислонила спиной к камням.

Раненый глухо замычал.

– Сейчас.

Упав на колени, она быстро разделась, аккуратно переки-

нула плащ и шарф через ветку куста, стянула блузку, надкусила нитку и рванула, раздирая ткань на полосы. Потом расстегнула на мужчине пиджак и отяжелевшую, липкую от крови рубашку, отерла с груди кровь и испуганно отдернула руку, едва не коснувшись маленькой аккуратной дырочки чуть правее левого соска.

«Плохо! Очень плохо... если бы я знала, что это так серьезно... надо было перебинтовать сразу... – испуганная обилием крови, она попыталась бинтовать, но тонкая ткань только бесполезно липла к коже, – этим не остановить! Надо что-то другое... есть! – девушка стянула с головы и примотала к ране свой берет, – нет... всё правильно... на крыше было нельзя... если бы он потерял сознание на крыше, я бы ни за что не стащила его на землю».

Не оборачиваясь, она сдернула с ветки шарф и обмотала его поверх повязки. Мужчина опять застонал.

– Сейчас... – она постаралась устроить раненого как можно удобнее, застегнула пуговицы его рубашки, затем пиджака, тщательно вытерла руки его носовым платком и, засунув платок в карман его пиджака, запахнула на мужчине плащ.

Теперь со стороны могло показаться, что человек просто устал и прилег отдохнуть. Возможно, хорошо провел ночь, выпил лишнего...

«Только не умирай! – не замечая, что колючки больно царапают голые плечи, девушка осторожно коснулась кончиками пальцев его шеи, – пожалуйста, не умирай!»

Под рукой, то замирая, то судорожно колотятся, неровно забился пульс.

Несколько томительно долгих минут она так и сидела, поддавшись обманчивому чувству, что пока под её пальцами бьется пульс, с этим человеком ничего худшего уже не случится. Возможно, сидела бы и дольше, если бы рядом, чуть ли не над самой её головой, не закаркала ворона.

Этьена отдернула руку, отпрянула сама и, напрочь забыв, где она находится, попыталась вскочить на ноги.

«Господи! – выпутываясь из кустов, ветки которых с остервенением цеплялись ей за волосы, она расцарапала кожу на запястье, охнула и прижала к губам царапину, – дура я! Не сидеть надо, а действовать... Так действуй же!»

Она вытрясла из волос мусор, нашла в кармане плаща расческу и тщательно причесалась, после чего стянула с ветки плащ, подползла к границе кустов и осторожно высунула наружу голову.

Дворик был по-прежнему пуст.

Девушка выбралась из кустов, отряхнула юбку, проверила туфли, одела и тщательно застегнула плащ. Пока её руки машинально приглаживали волосы, глаза уже быстро скользили по дворику, внимательно изучая стену дома, дорожку,

кусты и ещё одну стену, рассеченную узкой дверной нишей.

По-видимому, эту калитку давно не открывали. Возможно, для выхода на улицу хозяева дома пользовались другой дверью. Либо самих хозяев давно не было дома. Во всяком случае, под дверь уже успело наместить целый ворох побуревших листьев, который полностью скрыл с глаз ступеньку, о которую теперь споткнулась Этьена.

«Чтоб тебя!»

Опасаясь ещё одного подвоха, она быстро расшвыряла ботинком листья, очистила площадку, встала на носки и заглянула в просвет между дверью и кирпичным полукружием ворот.

Взгляд уперся в стену.

«Обзор – лучше некуда! – убедившись, что с противоположной стороны её никто не видит, девушка постаралась приподняться ещё выше, мельком увидев противоположную часть узенького пешеходного тротуара, – кажется, какая-то улица. Ширина всего метра два. Тихо. Возможно, безопасно».

Она спрыгнула вниз и попыталась вынуть из пазов замка щеколду.

«Давай! Ну, открывайся же!»

Несколько минут она беспомощно дергала схваченный

ржавчиной засов, затем вцепилась в него обеими руками и рванула так, что в замке что-то звонко хрустнула, после чего щеколда медленно отползла в сторону.

Этьена приоткрыла дверь калитки и осторожно выглянула наружу.

4

– Да? – солидным глуховатым баском пророкотала трубка.

– Симон, это я, – прижимая мембрану к губам, торопливо произнесла Этьена, – мне нужна твоя помощь.

– Этьена! – сразу сбиваясь с искусственного баса на естественный фальцет, отчаянно завопила трубка, – ты где попадаешь?! Я тебя всё утро ищу!.. Ты же обещала, что сегодня!..

– Не сегодня, а завтра, – резко обрубил Этьена, – лоботряс несчастный! Ты хоть когда-нибудь научишься правильно запоминать числа?

– Почему, завтра?! Ты же говорила, что в среду...

– А сегодня – вторник.

– Но... – голос подозрительно хрюкнул, – я точно помню, что...

– Потом, – нетерпеливо перебила Этьена, – у меня тут груз. Нужна твоя машина.

– Ты что, купила что-нибудь?

– Не совсем. Ты можешь приехать?

– Конечно... Постой, ты же сама сегодня на колесах...

– Это не важно...

– Как это, не важно? – опять заорала трубка, – ты уехала с утра на своей машине, а теперь звонишь и... Ты что, машину разбила?

– Считай, что да.

– Сильно?

– Ты что, идиот?! – выведенная из себя, точно так же заорала Этьена, – тебе что, объяснять нужно? Ты можешь приехать или нет?

– Да.

– Слушай адрес, – Этьена выглянула из будки и прочитала ближайшую табличку, – где это, знаешь?

– Да, – натужно засопела трубка, – Этьена, извини, я сразу не...

– Ладно. Постарайся побыстрее... и без клаксона. Понял?

– Да!

«Ему потребуется минут тридцать, – нашаривая в кармане ещё одну монету, мысленно прикинула Этьена, – возможно, даже меньше. Если он правильно понял... ни черта он не понял, но это уже не важно... хорошо, место тихое».

Отсюда, из телефонной будки прекрасно просматривалась и улица, и стена, и калитка, выглянув из которой, она сразу наткнулась глазами на телефон.

Слава богу, что на этой улице оказался телефон!

Девушка опустила монету в прорезь автомата и набрала следующий номер.

– Приемная доктора Готье, – приятным женским голосом любезно сообщила трубка.

– Здравствуй, Мадлена. Гаспар свободен?

– Здравствуй, – обрадовалась Мадлена, – у него пациент, но если тебе срочно...

– Очень срочно.

– Хорошо, сейчас соединю.

Слышно было, как на другом конце провода еле слышно заверещал селектор, после чего в трубке что-то щелкнуло.

– Слушаю, – приятным, хорошо поставленным баритоном пророкотала трубка.

– Гаспар, это – я, – стараясь избегать пауз, заторопилась Этьена, – я хотела с тобой посоветоваться. У меня тут медицинская проблема. Понимаешь, я...

– Простудилась?

– Нет, занозу подцепила.

– Что?

– Занозу, понимаешь? – чуть ли не по слогам произнесла Этьена, – я понимаю, что я не во время, но она очень глубоко сидит... и кровь есть... и я не знаю, что с ней делать...

– Крови много?

– Да.

– Остановила? – заволновался баритон.

– Да.

– Хорошо. Угораздило же тебя!

– Это не!.. – Этьена вовремя прикусила язык и произвольно оглянулась, – я тут не причем.

– Всё равно, – казалось, что невидимый Гаспар облегченно перевел дух и назидательно поднял палец, – надо быть осторожнее. Ты дома?

– Нет. Меня подвезет Симон.

– Хорошо, – после секундной паузы решила трубка, – пусть везет сразу домой. С занозой в клинике тебе делать нечего.

– Ты уверен? А вдруг что-то серьезное?

– Тем более, нечего пугать моих пациентов твоими криками. Езжай сразу домой, ничего не делай и жди меня.

– Долго ждать?

– Нет. Я беру Мадлену и тоже выезжаю.

– А это не больно? – всё ещё опасаясь, что врач её неправильно понял, тянула время Этьена, – ты знаешь, что я боли боюсь, а тут такое... Вдруг тебе придется резать?

– Не волнуйся, трусиха, я захвачу анестезию.

«Понял, – вешая трубку, она отчетливо, настолько отчетливо, словно сама находилась в эту минуту в его кабинете, представила, как Гаспар молча указывает Мадлене сначала на свой докторский саквояж, затем на стерилизатор с хирургическими инструментами, – теперь только доехать...»

Не замечая, что всё ещё стоит в телефонной будке, девушка закрыла глаза и устало прислонилась лбом к автомату.
«Только бы больше ничего не случилось»!

За время её отсутствия в садике ничего не изменилось. Но, всё равно, едва закрыв за собой дверной засов, Этьена чуть ли не бегом пересекла дорожку, упала на колени и торпливо развела руками кусты.

Раненый лежал всё в той же позе очень уставшего и внезапно заснувшего человека. В тени его волосы, лишённые привычного золотисто-каштанового отблеска, утратили естественный цвет и казались театральным париком, кое-как нахлобученным на голову античной статуи. Ровная матово-белая кожа лица ещё больше увеличивала сходство.

«Как неживое... господи! Вдруг я не смогла остановить кровь?» – подхлестнутая страхом, она ужом вползла внутрь кустов и схватила раненого за запястье. «Нет, живой!.. – почувствовав под пальцами пульс, она отпустила руку и запахнула на мужчине плащ и пиджак, – остановила, – осматривая повязку, попыталась успокоить себя Этьена, – пятно не такое уж и большое, значит, остановила».

Она осторожно запахнула одежду, застегнула пуговицы и села рядом, зябко подтянув колени к подбородку.

«Как же всё запуталось!.. Что же мне теперь делать»?

Не отдавая себе отчета в том, насколько она устала, девушка опустила голову и уткнулась виском в колено. Теперь мужское лицо виделось ей как бы перевернутым, резко состаренным светотенью, прочертившей несуществующие пока морщины и густо подсинившей глазные впадины.

Несколько минут она жадно, не отрываясь, смотрела на его губы, потом мысленно обозвала себя дурой, отвела глаза и уткнулась взглядом в высохшую розетку буро-коричневого лишайника, украшавшую соседний ствол.

...где-то далеко, ещё по ту сторону реки, невысокий плотно сбитый парень, сидящий за рулем крохотного зеленого «ситроена», пытался объехать улицу, плотно закупоренную санитарным фургоном...

...«Как же всё запуталось... если бы мы не потеряли время в начале... и потом...» – опять, уже в который раз, она мысленно просмотрела весь путь, начиная от того момента, когда почти вслепую стреляла сквозь вращающуюся дверь и до...

«Мерзавец! Он стоял за шторой и ждал... как же я могла не заметить?! – сейчас она настолько отчетливо видела этого человека, что, казалось, могла бы описать его всего, вплоть до серебряного значка со свастикой, привинченного над нагрудным карманом, – я же чувствовала, что там кто-то есть... чувствовала и ничего не сделала! Надо было стрелять

сразу. Нет! – тут же одернула сама себя Этьена, – нет. Он мог оказаться просто наблюдателем, который не причинил бы нам никакого вреда. Обыкновенным человеком, который услышал шум и подошел к окну. Мог... я убила его...»

Странно, но эта мысль почти не вызвала в ней никаких ярких эмоций. Словно она просто ликвидировала орудие убийства. Не человека, а машину, бездушную смертельно опасную машину, созданную такими же бездушными существами.

«Я в первый раз в жизни убила человека... наверное, это должно быть страшно, – попыталась проанализировать свои ощущения Этьена, – наверное... но я ничего не чувствую... Почему? Я никогда никого не убивала, а сегодня я преспокойно выстрелила в человека...»

Чувствуя, что запутывается, она уткнулась в колени лбом и крепко зажмурилась.

«Неужели и во мне сидит это проклятое желание убивать? Уничтожать, разрушать всё вокруг себя?... Я убила человека. Убила! Возможно, даже двоих...»

Там, на улице, когда она целилась через вертящуюся дверь, она могла бы попытаться сохранить тому офицеру жизнь. Могла бы, но...

«У меня не было другого выхода... если бы я промахнулась, то... Прекрати оправдываться! – безжалостно оборвала себя Этьена, – никому из них я даже не подумала дать шанс выжить... знала, что их надо остановить и была наверняка.

Как ядовитых мух... Но они же люди! – на душе стало настолько паскудно, что появилось желание зажмуриться ещё крепче, – люди... у каждого из них была своя жизнь, которую я сегодня... Второй! – она резко выпрямилась и тупо уставилась на кустарник, – второй! Его скоро найдут!

Как же я сразу не подумала! Он – тоже немец, поэтому, когда его найдут, начнется такое! И в первую очередь прочешут ближайшие дворы! А мы...»

Она замерла и диким взглядом обвела кусты.

«Мы слишком близко! В любой момент здесь могут появиться боши. А я, как последняя дура, сижу здесь и жду, когда нас накроют»!

Этьена выскочила из кустов и метнулась к калитке.

«Где этого Симона носит!»

Где-то еле слышно прошумела машина.

«Симон»!

...Зеленый «ситроен» выскочил к Сент-Мишелю, пересек левый рукав Сены, проскочил мимо фасада Дворца правосудия, за закрытыми воротами которого мелькнула фигура часового с автоматом, пронесся по бульвару....

В той квартире звонил телефон. Большой неуклюжий автомат стоял в тесной гостиной на столе. Звук далеко разносился по пустой квартире.

«Ситроен» проскочил мимо Луксорского обелиска, обо-
гнул фонтан, пересек Риволи и нырнул в паутину улиц квар-
тала Опера.

Здесь, во дворике, время остановилось. Каждая следую-
щая минута намертво прилипала к предыдущей, и вместе с
ней плотно прижималась к асфальту двора.

Одна... вторая... третья...

Упав на асфальт, минуты разбухали. Вскоре Этьене стало
казаться, что они заполнили собой всё пространство. Даже
воздух уплотнился и потеплел. Забывшись, она чуть было
не расстегнула плащ, но, уже взявшись за пуговицы, вдруг в
панике прижала руки к горлу.

Телефон замолчал, затем зазвонил опять.

Звон острой болью врезался в мозг.

Этьена подавила охвативший её приступ дрожи, вынула
из кармана пистолет и методично, не позволяя себе ни од-
ного лишнего движения, проверила количество оставшихся
патронов. Даже не поднимаясь в квартиру, она знала, что те-
лефон в ней звонит, уже не переставая, а в ответ на его мол-
чание где-то на другом конце города медленно зреет раздра-
женное недоумение.

«Прекрати панику! – заставляя себя не думать, и всё-таки
мысленно представляя себе того, другого, нетерпеливо бро-

сающего трубку, мысленно приказала себе Этьена, – немедленно прекрати панику! Симон уже едет... минут через десять он будет здесь... он успеет... он обязательно успеет», – девушка сунула пистолет обратно в карман, сторбилась и медленно зашагала по дорожке.

Один... два... три... четыре... кусты... поворот.

Один... два... три... четыре... калитка... поворот...

И опять один...

«Если не догадаются поручить проверку квартиры кому-то из местных, то пока курьер доедет, пройдет какое-то время... пока будут искать запасной ключ... или ломать дверь... – методично, как будто речь шла о каком-то абсолютно постороннем предмете, начала просчитывать Этьена, – даже если убитого и найдут, то, пока вызовут солдат, пока решат прочесать двор... пройдет время... а Симон уже в пути... возможно, уже на этом берегу... он успеет первым... – чувствуя, что подкатывает очередная волна паники, она до боли сжала скулы и продолжила своё равномерное хождение, – он должен успеть... Симон не подведет... за рулем он бог! Если надо, у него машина по крышам поедет...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.